

Леонид Синявин. Дневники 1910-1913 гг.
(из дневника якутского священника-миссионера)

(Стиль изложения и орфография автора сохранены. Все ссылки и выделения в тексте — редактора.)

27 марта 1910 года я выехал из Средне-Колымска в местность «Менектях» к тунгузскому голове г. Курилову. ... Он довез меня до местности «Дулба», где проживает Дмитрий Жирков ... Кроме Жиркова в м. «Дулба» проживают в 20-25 верстах три юрты якутов, далее на запад в 50-70 верстах — две юрты.

На север и на юг постоянных жителей ближе 120-150 верст нет..

Весной и летом якуты заняты охотой на птицу, диких оленей, рыбной ловлей и сенокосом.

Чукчи и тунгусы с апреля месяца откочевывают одни к Алазее, другие — к Чукочьей (по-чукотски, *Реум-реу*¹), Коньковой, Нерпичьей и др. речкам.

Знающих чукотский язык и могущих быть переводчиками, кроме хозяина (Жиркова) и еще одного якута (Михаила Третьякова) в этой местности нет. Ламуты, имеющие постоянное сообщение с чукчами, знают по-чукотски, но не говорят по-якутски.

Во время своего пребывания на «Дулбе» (8 дней) я совершил утреннюю и вечернюю молитвы **по-якутски**, молясь со всеми находящимся в юрте. Вечером обыкновенно читал Евангелие на якутском языке, рассказывал Священную Историю Ветхого и Нового Завета, по имеющимся у меня картинам. Остановливался особенно на толковании св. Евангелия от Матфея гл.5 и последующих днях жизни Иисуса Христа со дня Лазарева Воскресения...

Накануне Вербного Воскресения исповедовал, а в само Воскресение после часов изобразительны, приобщил к Тайне 10 человек якутов и тунгусов и раздал освященные вербы участникам и всем собравшимся помолиться.

Не могу обойти молчанием того, что с середины марта якуты и тунгусы стали захварывать воспалением легких и болезнь приняла эпидемиологический характер; не было дома, где бы не хворали.

А тут еще пришла обычная гостья Колымского округа, **голо-**

¹ Согласно словаря: *Рэвум-Рэву*.

довка. Запасы сена, рыбы истощились и некоторые якуты — бедняки, как говорят они, падали от голодухи и не могли выйти на промысел, не было сил долбить лед.

Вследствие сильных морозов, стоящих эту зиму, многие озера промерзли, лед на больших озерах был в сажень толщиной, рыбы (налима) совсем не было, или еды едва хватало на дневное пропитание тому, кто мог добывать, кое-кому это было на руку — можно было почти даром взять работника на лето, а именно за стегно павшей лошади!

На третий день Св. Пасхи выехали в Походск, за 60 верст с псаломщиком Александром Протопоповым, захватив с собой все необходимое для совершения литургии в Походской часовне.

Днем 21 марта мы приготовили и убрали часовню; через старика, прислуживающего при часовне созвали жителей, так как при часовне нет ни колокола, ни била и отпели при скудном освещении пасхальную вечерню, утреню и первый час.

На следующий день служил литургию и сказал слово о страданиях Господа нашего Иисуса Христа, крестной смерти и воскресении Его. За литургией приобщил до 20 младенцев и одну больную старуху.

Походск расположен по обеим сторонам Походской виски... 18 домов. Дома русской постройки ...

Жители Походска состоят из мещан и казаков Нижне-Колымска. Все они занимаются рыболовством, некоторые ставят пасти на песца, ловлей линных уток и гусей и нерпичьим промыслом. Рогатого скота, кроме старосты Шкулева, никто не держит. Кочт-собаки¹ — наша краса и сила, как говорят походчане, и любят они своих «**собацек**», об них только и разговор.

... Желание иметь школу и видеть у себя священника, походчане высказывали мне неоднократно и этим вопросом интересуются.

Сожаления достойны жители и место, и школа здесь необходима.

Нанял нарту с подводчиком за 40 рублей для езды по чукчам.

Вечером 22 апреля выехал на Пантелеиху.

Поднялась страшная пурга, собаки с трудом шли.

Утром 23 были в Пантелеихе. Отдохнув, в присутствии всего населения Пантелеихи в доме Вас. Инн. отпели пасхальные часы, крестил ламутского ребенка.

¹ Т.е. упряжные собаки.

Дмитрий Бережнов (переводчик) после отказа, согласился ехать со мной по чукчам во вторник на своих собаках, взяв с меня 30 рублей.

24 апреля вернулись в Нижне-Колымск. Здесь отслужил литургию и молебен с акафистом святителю Иннокентию, просветителю монголов, **прося его ходатайства перед Господом за меня грешного и помощи в деле благовестия св. Еванглия чукчам.**

... Всего мною сделано по тундре из Походска и обратно 500 верст, а с Сень-Келя с разъездами в Походск, Пантелеиху и Н-Колымск — 1260 верст.

Записано мною в число оглашаемых 22 человека взрослых и детей до 7-и летнего возраста.

1 июля 1910. Выехал на лодке с псаломщиком А. Протопоповым из Нижнеколымска ночью.

Берега р. Колымы глинистые, размыты со множеством наносного лесу; пришлось, поэтому идти почти все время на веслах. Ночь здесь страшно холодна и туманна, и мы пожалели, что не захватили с собой зимней одежды. Делали не более пяти верст в час. Днем одолевал комар. Я никогда не представлял такой массы комара; это действительно бич, палач убивающий животных. Нам пришлось по дороге видеть несколько диких оленей, пропавших от укусов этого насекомого. На человека он нападает такой массой, что не видно одежды; пить, есть приходится в сетке, спать на открытом воздухе нельзя; никакие дымокуры не помогают. Единственное облегчение приносит сильный ветер, холод и дождь. До Колымской считается водою 140 верст от Нижнеколымска и мы благодаря комару, выспались только один раз (в начале пути) в течение 3-х суток.

На станцию Колымское прибыли 4-го июля в 6 часов вечера.

Переночевали и выехали 5-го июля далее, взяв других ямщиков (каюров).

Переплавились в селению Холмам. Здесь пять домов. Живут юкагиры и якуты. Отсюда пошли бечевой. Лодку тянула пара собак, направляемая погонщиком, который идет сзади. Умные животные тянут дружно. Где нужно, обходят наносный лес, а где и плывут. **Комар ужасный...**

С большими трудностями достигли Колымской.

Вечером служили всенощное бдение с благословением хлебов.

За каизмою¹ сказал слово о необходимости покаяния и исправления жизни по заповеди Христа. После первого часа исповедовал 12 человек.

Утром 8-го июля отслужил литургию. Приобщил говеющих и младенцев.

Сказал слово о таинствах Св. Евхаристии. Во время молебна Пресвятой Богородице сказал слово о непрестанном заступничестве Божей Матери за грешный род человеческий пред Сыном и Богом своим.

Молящихся было до 30 человек.

Колымская церковь очень стара; лет 25 назад была перенесена с реки Омолона.

Поездка к Ледовитому океану с 7-го по 17 августа 1910 года.

Поездка была совершенна удачно и я собрал довольно много материала относительно чукоч восточной тундры, мест их кочевок и условий пути к ним.

... Стало уже темно, когда мы выехали из Амбросимова. По дороге нам попало несколько лагерей, перекочевавших вверх по течению, местных обывателей.

На заимках строят только поварни. Это домики на четыре угла. Без окон, сажени две длины и ширины. На верх стелется на два ската потолок с отверстием посередине для выхода дыма, посередине поварни устраивается четырехугольный очаг. За очагом к передней стене настиляется пол. Здесь спят, обедают и принимают гостей.

Под утро достигли значительного поселка «Край лесов». Жители его уже выехали.

Здесь шесть поварен. Зашли в одну из них. Сварили чай. Замков здесь не имеют. Наши гребцы улеглись спать в поварне, а мы в лодке под палаткой.

С нами ехал в числе гребцов один чукча. Много дивились мы его спартанской простоте и выносливости. Он выехал из Нижнеколымска без шапки, платка, постели, рукавиц и чашки — все это он считал лишним. Сносно говорит по-русски.

До Амбарчика шли пешком по тундре. На берегу океана увидели маленький домик и недалеко от него новый высокий крест.

Здесь в лето 1900 года проживал со своими рабочими капитан

¹ Каизма (правильно: Кафизма) — один из разделов Псалтири.

Георгий Яковлевич Седов, производивший промеры устья Колымы.

Море шумело. Рвалось на берег, поднимая облака брызг. Сердитые седые волны, подгоняя одна другую, стремились разом поднять наносный лес, лежащий у берега.

Интересная картина; захватывающая!

Вот море подняло всю массу леса, бросило его ввысь, коверкая и ломая более слабые породы, и обессиленное снова ушло. Сердится, опять бежит к берегу, лижет его, снова поднимает и бросает лес, а он упорно ложится тут же. Стонет, ревет, собирается с силами, косматит гриву и еще более ожесточенное летит к берегу.

Тяжелый туман клубами, всей массой, наваливается на океан, силится придавить его, а тот трясет сединой, с силой сбрасывает его, изгибается высоко и летит еще грознее к ним. Затихнет как-будто, но родятся в глубине его новые волны, новая сила...

Ревет и мечет он в бессильной злобе. Дрожит, стонет, храпит старая грудь старика, плачет он, но не сломить ему положенного предела, не разлиться ему по широкой тундре, отступает он с ропотом, плачем, из года в год далее.

Несет он иной раз на могучих плечах горы льда, бросает он их с сердцем на берег, но тепло и ветер разрушают его баррикады.

Напрасно. Не одолеть ему земли, не взойти в прежние владения!

Жутко и хорошо у моря!

На утро отправились в Сухарное. Не доезжая до Сухарного, в глубине горной тундры, мы отчетливо увидели лагерь чукоч, состоящий из 7-и яранг.

В Сухарном встретили чукчу Валергина, которому и принадлежал лагерь.

Чукчи стояли в 20 верстах. Было уже под вечер, мы зашагали по тундре к востоку.

Нам пришлось идти пять часов. Стало уже совсем темно, когда достигли желанной цели. Встретило нас все население лагеря.

Наутро с переводчиком тунгусом, прекрасно говорившего по якутски, я пошел по ярангам и переписал всех обитателей их.

Оказалось, что детей не крещенных до 12 лет было 6 человек, и взрослых — 3.

Устроили под открытым небом из саней и ящиков стол для требы, собрались все обитатели яранг. Более 40 человек и я предложил им учение о Боге Триедином, о жизни Христа, о заповедях, крестном знамении.

Большинство чукоч не умели креститься. После того, как все стали правильно полагать крестное знамение, я предложил помолиться Господу Богу о том, чтоб Господь просветил их своим светом своего учения, сохранил их стада и их простил грехи и т. д.

Вдали громады гор, впереди белые как снег яранги, толпа дикарей усердно молящихся, невдалеке громадное стадо оленей — все подошли к кресту и были окроплены св. водой.

Потом пошли по ярангам, окропили их. У каждой яранги ждала семья с хозяином во главе.

После обхода я опять собрал чукоч, сказал слово о таинстве крещения и крестил детей тут же на открытом воздухе. Восприимниками были чукчи и тунгусы. Последним заповедывал, чтобы они приучали детей к ежедневной молитве и положению крестного знамения. Взрослых, изъявивших желание креститься, я поучал истинам Христианской веры и сказал им, что окрещу их осенью или зимою, во вторичный проезд по тундре, когда будет больше времени на научение их вере.

Чукчи не хотели отпускать нас пешком, а непременно желали увезти на оленях. Пришлось согласиться.

Прибыли в Сухарное темной ночью.

14 августа выехали обратно.

Утром 15 на Амбросьевой служил молебен у Безносова.

Днем при сравнительном стечении народа с соседних заимок служил молебен на Черноусовой. Сказал слово о житии Пресвятой Богородицы и о ее успении.

Было с детьми человек до 30.

Утром 16-го были в Нижнеколымске.

В этом отдаленном, как отдельная планета, краю живут люди такого же строения, что и мы, но исключительно ихтиофаги, не употребляющие хлеба или употребляющие его очень мало, не знающие овощей, не любящие соли.

Хворают они часто, хворают упорно, долго, глядя в глаза приближающей смерти не мигая, гипнотизируясь этой мыслью.

Медицинской помощи здесь в Нижнеколымске нет. Редко раз в два года наскоро приедет доктор или фельдшер.

Знания по медицине, приобретенные нами в семинарии, я

старательно пополнил изучением медицинских наук по учебникам фельдшерских школ, а жизнь в медвежьих уголках дали порядочную практику, до практики в области акушерства включительно.

Все это пригодилось здесь.

Благодаря человеколюбивому ассигнованию Миссионерским Комитетом 35 рублей в 1909 году я смог составить в Якутске порядочную аптеку, добавив еще из своих средств столько же.

... Больных оказалось много.

С мая по 20 сентября перебивало у меня 67 человек, не считая одиночных посещений. Всего посещений было более 700.

Были сифилитики, ревматики, с глазными и женскими болезнями и пр. и пр.

В иной день было до 17 посещений.

Благодарение Богу, лечения все были удачны.

Весть, что я принимаю больных разнеслась очень скоро и мне появляться где-нибудь без аптеки было невозможно.

В Нижнеколымск приезжали за 80-100 верст и более.

У псаломщика в доме, усердно помогавшего мне, образовался приют для неимущих больных.

... В Походске заболели дети какой-то сыпью и была одна больная, лежавшая уже давно, хворала она воспалением коленного сустава.

Походские обыватели отправили за мной в Нижнеколымск лодку, приглашая к ним оказать помощь.

22 августа 1910 г. я поехал в Походск.

Общество отвело мне квартиру в теплом чистом доме. По прибытии прежде осмотрел больную. Страшно было смотреть на нее. Это был скелет с распухшей как бревно ногой. Грязь, вонь была ужасная. Вычистил, обмыл, переложил на клеенку больную, сделал прорезь, выпустил гной и она вздохнула, а потом заснула после многих бессонных ночей и дней. Дал ей пищи из своих запасов и через неделю она немножко походила на человека. Теперь уже ходит, двигается.

Осмотрел постепенно и других больных до 20 человек.

Кроме того совершил молебны в часовне с проповедью, согласно случая, о болезни греховной. Молились весьма усердно и пели общим хором и недурно.

По вечерам вел беседы на разные темы с собравшимися у меня

в квартире обывателями. При богослужении бывали проживающие в работниках чукчи (5 чел.)

Одна чукчанка, брошенная своими родовичами на снегу у Походска и подобранная походчанами, изъявила желание креститься. Пока перепоручил ее хозяину, у которого она живет и который ее приютил, обучить молитвам, а зимою обещал крестить.

Голод у Шалагских чукок.

Тяжелый 1910-1911 гг. выпал на долю шалагских собачных чукок. С осени 1910 года промысел нерпы был очень плох, а зимой совершенно прекратился.

Наступил голод со всеми ужасами у арктического океана, в стране ночи и холода.

Начали пропадать собаки, жиру не хватало не только для того, чтобы согреть полог, но не хватало на еду; на промысел выходить без собак и пищи нельзя, передвигаться тоже, стали варить кожу, подбирать отбросы. Люди обессилели.

Пришла голодная смерть.

Чукчи выходили на океан подкараулить нерпу и там умирали, умирали от холода и голода в своих пологах. Удастся какому-нибудь счастливцу убить нерпу, прослышат о том голодные, обессилевшие соседи, идут к счастливцу поесть, утолить голод. Одни не доходят и умирают по дороге, другие, наевшись идут домой, несут в свой полог кусок жиру. Тощий желудок не выдерживает — бедняк умирает в дороге, судорожно сжимая в своей руке кусок нерпы..., а те, которые ждали его, тоже умерли...

Русские, проезжая на Шалагский мыс по торговым делам, находили таких несчастных по пути, переезжая их трупы. (сообщения В.И. Соловьева, Еврани, Д. Бережнова, Чурилло и др.)

Голод гнал из родных насиженных мест чукок. Некоторые уходили на р. Чауну к оленным чукам, другие — к р. Колыме.

Рассказ Шалагских чукок Ноумурзина и его жены Чайгутку, пришедших зимой в Нижнеколымск прост, короток и страшен.

«Море замерзло рано — говорит чукча — гладко, щелей не было, нерпы было мало, а потом совсем ничего не могли убить. Собаки стали пропадать. Мы, бедняки, не могли достать жиру для еды. Решили с женой идти на Колыму. Давно я там не был. Помню жили там люди сытно. Взяли нарточку, положили маленький полог, да переменуку обуток. Пошли. Тащили нарту. Трудно было идти, сил нет. Пурги сильно мучили. Лежали в одном месте подолгу.

Пищи не было. Ели кожу, сосали ее. Находили дохлых собак, кое-как рубили их; у себя на теле грели, были тогда сыты. Дошли до Большой реки. Здесь нашли, оставленный русскими, собачий корм. Отдохнули здесь немного. Приехали русские, нас накормили. Мы пошли дальше. Сил не было тащить полог, бросили его, потом бросили нарту, спали в снегу. Кое-как добрались до Сухарной. Здесь никого не было. Из амбара взяли рыбу, оставили здесь последнюю одежду. Потом дошли до русских.»

В Нижнеколымске взял этих чукоч и приютил обрусевший якут Ребров. Вымыли их, одели. Потом привели ко мне.

12 апреля 1911 г. Крещение чукоч в Нижнеколымской церкви.

Расспросил их. Оказалось, что они язычники. Изъявили желание креститься: **«Нас спас Бог — говорят они — и мы желаем креститься».**

Поучил их. На второй день Пасхи, при многочисленном стечении народа, я их крестил в Нижнеколымской церкви.

12 апреля они были удостоены принятия Тела и Крови Христовых. После литургии они были повенчаны. Имя чукчи — Ноумурзин, а чукчанки — Чайгутку; он назван — Георгием, она — Александрой.

Была ли оказана помощь какая-либо голодающим чукчам местной администрацией, да и знала ли она о голоде, не могу сказать

14-15 апреля.

В назначенный день выехал из Нижнеколымска с псаломщиком Александром Протопоповым на реку Омолон.

Приехали к утру 15-го. Жителей здесь было три дома, преимущественно обрусевших юкагирей. Жалкие остатки когда-то многочисленного народа, населяющего всю тундру и горы по ту и другую стороны р. Колымы.

В Нижнеколымском участке юкагирей осталось очень немного, не более 30 человек. И эти вымирают.

Собрал юкагирей, рассказал краткую Священную Историю, подробно остановился на событии Воскресения Христова. Потом отслужил пасхальный молебен.

К вечеру прибыли ламуты — два семейства. Один из них, старик Дьячков, хорошо говорит по-русски, некоторые говорят

только по-ламутски. При помощи Дьячкова поучал ламутов истинам Христовой веры. Вечером отслужил пасхальную утреню, крестил двух ламутских детей и исповедовал 10 человек.

Наутро за обедницей приобщил исповедовавшихся Св. Дарами.

После напутственного молебна опять поучал ламутов истинам веры и выехал с Омолона.

Еще осенью 1910 года до Колымы дошли слухи о том, что в Якутской области появилась оспа. Местный врачебный участок просил меня привить оспу, как можно большому числу лиц Нижнеколымского участка. В минувшие годы оспа в нашем месте сделала ужасные опустошения.

Оспа 1884 г в Колымском округе. По сведениям, находящимся в церковных архивах, видно, что от оспы умерло 960 человек русского населения. Сколько умерло чукоч, тунгусов, ламутов, чуванцев, юкагирей — одному Богу известно.

Но умирало их множество. Следы погибших лагерей, остовы яранг, стойбищ я сам видел при своих кочевках по тундре.

Вымерли все жители по протоке Стадухинской, двум Анюям, Омолону и Колыме.

В Походске все выкопанные погреба были заполнены мертвцами, некому было копать могилы...

Так и стоят эти погреба-могилы до сего дня. Походчане боятся их трогать.

Поехав к чукчам я захватил с собой **детрит**¹, сколько было возможно.

Прививку я начал делать с Холмов и продолжал ее делать все время моего долгого пути.

По краю лесов на тундру.

17 числа выехали из Дулбы. После четырех часов езды выезжаем в лес, где снег разрыт оленями. Спустились в лощину, у леса завидели 4 тунгусские урасы. Это лагерь тунгусского старосты Ильи Лаптева. Из урасы вышли мужчины, женщины, дети, все подошли под благословение.

После чая и закуски, состоящей из вареного оленьего мяса, я привил оспу 27 человек и поехал дальше. Через 15 верст поздно

¹ Детрит — измельченное вещество телячьих или коровьих оспин, смешанное с глицерином и содержащее живой вирус коровьей оспы; служит для предохранительной противооспенных прививок.

вечером приехали в лагерь тунгусского старшины Степана.

Решили переночевать. Приехал тунгусский голова Курилов. Он рассказал о трагическом случае: один из сородичей Петр Курилов, старик, лет 60, в припадке острого помешательства, ударил ножом свою жену. Она осталась жива. После этого случая преступника его взрослые дети отделили от семьи, держат его связанным под караулом. А на ночь сажают в ножные и ручные колодки.

Голова попросил осмотреть старика, помолиться над ним и посоветовать как держать его на будущее время.

Привели узника. Этого небольшого роста старик с непомерно большим животом, со слабыми дрожащими ногами и иссиня бледным лицом.

Увидев меня, он упал в ноги и говорит: **«прости, батюшка!»**

Я знал этого старика, всегда тихого, скромного; **до слез стало жалко его.**

Я велел его развязать, посадил с собой и насколько возможно, успокоил его и расспросил. Он мне сказал, что с января месяца ему плохо, мало спал, стал бояться людей, которые его преследуют и думают убить. Поэтому он уходил из дома и прятался в лесу. О том, что случилось не помнил.

«К жене ни зла, ни сердца не имею. Помолись за меня, батюшка. Попроси бога, исповедуй меня».

Перед сном отслужил молебен над болящим, исповедовал его и посоветовал от уз его освободить, обходиться с ним как с больным, чтобы он не видел над собой надзора, позволить ему видеться с родными.

18 апреля. После треб и прививок, повенчал два брака: женились отец и его младший сын, Егор и Иван Куриловы.

Выехали затем на бесконечно снежную тундру и направили свой путь к реке Чукочьей, в лагерь чукчи Оумвровьи и с этого дня в течение 7 месяцев я не сходил с тундры, объездив и исследив ее вдоль и поперек.

19 апреля. Тундра, берег реки Большой Чукочьей (Рэумъвоэмь)

Началась пурга. В лагере 4 яранги, 4 семейства. Днем побывал в каждой урасе.

Наутро 20 апреля послали человека к ближайшим чукчам, сто-

ящим недалеко, к старику Тынальгину и за чукчей Андреем Раня-туть, хорошо говорящему по-русски.

Через переводчиков тунгусов и тунгусского голову, прибывшему сюда снова, стал поучать чукчей.

Потом записывал чукотские слова, приучаясь к их выговору.

Вечером служил молебен Пресвятой Богородице и крестил чукотскую девочку, родившуюся 11 августа 1910 года.

1-4 мая. Лагерь чукчи Эттан, 7 яранг, 42 человека.

Снежная буря, ничего кругом не видно. С трудом разыскали лагерь, наткнувшись на громадные стада оленей.

Иван Эттан — это один из богатых чукчей западной тундры, стада его оленей достигают до 8-10 тысяч голов.

Встретил нас сам хозяин, высокий, еще не старый человек.

... Вскоре в пологе Эттана стали собираться обитатели других яранг. Набралось человек 20, были и приезжие тунгусы, некагиры¹ с Индигирки.

Стали пить чай, после первого стакана стало жарко. **Мужчины сняли свои парки, женщины — верхнюю часть одежды, откинув ее назад, сняв часть через рукава и все сидели голые по пояс. Вначале для меня это было дико, но потом глаз привык, так, что впоследствии я не замечал наготы.**

После вечерней молитвы все подошли под благословение и разошлись по ярангам, чтобы не стеснять меня, в большом пологу легло только 4 человека.

4-6 мая. Лагерь чукотского головы Уаргина, 10 яранг.

Я слышал, что он плохо держит своих работников, хотя имеет много оленей, виновата в том его излишняя скупость. В этом я убедился сам; рабочие головы были плохо одеты; их кулачки, брюки (коняуты) были потрепаны, изношены, в котлах варилось мясо павших телят. Кроме того увидел трех работников, заболевших вследствие плохого питания — слишком они были изнурены, рахитичны.

Окончив обход яранг, я поставил походную палатку-церковь с печкой, пол устлала мне шкурами оленей. Сюда созвал всех обитателей лагеря и через 2-х переводчиков — одного тунгуса, другого чукчу, стал поучать собравшихся.

¹ Считается, что племя некагиров в основном погибло в 1691 году во время эпидемии оспы.

Рассказал Св. Историю до Крещения Господня, затем предложил крестить взрослых и детей.

При помощи Оумвровья и головы установил (походный) иконостас и крестил 12 человек взрослых и детей.

Вечером в пологу Уаргина повел беседу об открытии школы среди них. На что Уаргин ответил: **«Я сказал архирею, что детей своих сородичей учиться я не отдам, то же говорю и тебе. Нам надо учить ребят пасти оленей, а не грамоте».**

Сколько я его ни уговаривал, он остался на своем.

Этот отказ изменил мой план летовать на Алазее. Буду искать других удобных мест и условий для школы.

13-15 мая. Лагерь чукчи Пауля.

Пауль — по своему красивый молодой чукча. Высокий, стройный, с правильными чертами лица, с правильным носом, с длинными черными волосами, зачесанными назад, в пинжаке, черных изящных сарах. Знает по-якутски.

Пауль попросил меня повенчать его и отслужить молебен, что было исполнено; другие требы были совершены в его семействе мною в прошлый приезд.

Вскоре приехал тунгус Василий Курилов, который просил меня съездить с ним недалеко на могилу его матери и отпеть литию¹.

Запрягли три турки² и мы поехали на оленях по таящему снегу.

И вот в безграничной тундре над могилою дикарки, может быть впервые вообще-то на этой тундре, была пропета панихида.

Отсюда заехал в только, что прикочевавший лагерь тунгусов — 3 урасы. Здесь по просьбе тунгуса Афанасия, отслужил водосвятный молебен.

Осенняя поездка по Западной тундре (1912 г).

В последних числах октября приехала ко мне в Походск особая депутация от чукоч — 5 человек во главе с старостой Оумвровья и спрашивали — выеду ли я на тундру в эту осень.

Сказал им. Что выехать могу не ранее 10 ноября. Чукчи этим были очевидно обрадованы и мы с ними составили маршрут до реки Большой Чукочьей. Время стояло холодное.

7 ноября я распустил учеников школы до 10 декабря взамен

¹ Т.е. совершить панихиду.

² Нарты-турки — самые большие нарты, шириною около метра, для перевозки больших грузов.

Рождественских каникул, задал домашнюю работу.

10 ноября выехал в тундру в стойбище язычника Голявья за 15 верст, с лучшим переводчиком Г.Ф. Сергеевым, старшиною юкагирским, состоявшем в родстве с чукчами.

Лагерь Голявья, 2 чума.

Поучения и рассказы из св. Истории вел обычно вечером в небольшом пологу. Сначала я решил крещение. Голявья упрашивал крестить его и всю его семью, что исполнено 11 числа. Дал им икону, свечи и ладан.

Голявья не раз бывал у меня и в часовне за богослужением. Крестному знамени были обучены ранее.

Голявью назвал Гаврилом. Окрещено 5 человек.

Лагерь Калдыто. Нерпичье озеро. 1 яранга.

Крещено 7 человек. Всех чукок в эту поездку окрещено 45 человек.

И этим закончено крещение западной тундры, остались только единицы, 3-4 лагеря, трудно достигаемых, но Господь поможет побывать и там.

В эту поездку посещено 20 лагерей, т. е. половину всех чукок, а в отчетном году посещено: 30 лагерей, окрещено 81 человек обоего пола, детей — 10, а всего 91 человек.

Сделано весной 630 верст. Летом на Колыме по устройству школы и со школою — 240 в., осенью — 800 в., а всего за 1912 г — 1670 верст.

Обучено грамоте — 20 человек обоего пола, в т.ч. 2 тунгуса, 3 — юкагира и 1 — якут.

В заключение настоящего отчета могу сказать, что проповедь св. Евангелия принимаются чукчами охотно, принимают они св. крещение радостно. Не забывают сказанного. Теперь только остается продолжить начатое дело. На предложение завести походную церковь и собираться в ней в определенное время, чукчи вполне согласны.

**1 января 1913 года. с. Походск Колымского округа.
св. Леонид Синявин.**

Также в журнале «Православный Благовестник» прилагается отчет Православного Миссионерского общества за 1912 год.

В отчете дана высокая оценка миссионерской деятельности священника Леонида Синявина за 1910-1912 гг.

Вот что, пишется в отчете:

«Во время разъездов по тундре миссионеру Сень-Кельского стана св. Леониду Синявину были отданы инородцами два мальчика — один якут 9-и лет, а другой юкагир, для обучения грамоте.

Мальчики живут вместе с миссионером в Нижнеколымске и содержатся на средства местного Миссионерского Комитета.

Несмотря на недавнее открытие школы, успехи обучения значительно продвигаются вперед. Летом текущего года миссионер-учитель предполагает перевести школу на тундру (восточную) и поместить ее в центральном месте среди кочевий чукчей, где они будут останавливаться со второй половины апреля или начала мая до самого октября.

Школа таким образом будет передвижною и учитель-миссионер будет кочевать со своими учениками с места на место. Уже 10 чукчей изъявили желание отдать своих детей в школу отца Леонида.

По местным топографическим условиям служение в Чукотской миссии одно из трудных. Не излишне привести здесь некоторые выдержки из дневника Сень-Кельского миссионера Л. Синявина характеризующие это служение со стороны указанных трудностей и знакомящие нас с некоторыми частностями и подробностями миссионерской работы. Вот эти выдержки:

18 декабря 1911 г. Буря. Собаки не идут. Поварня (лачуга в тундре, служащая местом приюта для путников) Лакеево. Здесь холодно, обитатели голодны.

Нечем кормить собак и ехать нельзя.

22 декабря. Выехали в Курлуково. Поднялась буря... Ничего не видно. Холодно. Собаки ложатся, тащили их 8 верст. Ехали пять часов. С трудом попали в Курлуково. Здесь нас ждали тунгусы.

23 декабря. Выехал с тунгусами на оленях. Переехали через перевал Менектях. Холод. Ветер. Заехали к якутам, живущим тут, немного отогрелись.

Поздно вечером заехали в Дулбу к Д. Жиркову.

26 декабря. Исповедники и приобщение их. Крещена взрослая чукчанка... Чукотский брак. Молебен о здравии болящих (4 чел) и

лечение их.

Выехали поздно. Было темно. Ехали без дороги, олени кое-как выбирались из снега. Отогреться заехали к тунгусскому старшине Лаптеву.

Прославили Христа и поехали дальше к якуту Христофору Волкову.

5 января 1912 г. Лагерь тунгусского головы... Сегодня исповедовал 6 человек тунгусов пришедших издалека. Совершил великое водосвящение и окропил св. водой инородческие урасы (жилица). Выехали рано.

Голова отдал мне обучать своего приемного сына Алексея, которого усадил на нарту, покрыл своим одеялом и повез.

6 января. Совершал освящение воды на озере. Холодно. Ветер. Выехал в Менектях. Сюда собрались и якуты и тунгусы, издалека, пришли с берегов океана.

Слушали меня и говорили: **«мы приехали с моря послушать тебя, поверить (уверовать) и креститься...»**

Константин Курилов, тунгус, отдал мне учиться своего сына Христофора, 10-11 лет.

Вечером после беседы исповедовал, а 7-го приобщил св. Тайнам исповедников и новокрещенных и, тепло расставшись с обитателями тундры, выехал обратно на Колыму.

26 апреля решил перебраться со своими учениками в местность Пантелеиху, как более удобный пункт. Здесь нашел еще учеников из детей местных жителей и открыл школу.

Всего у меня 8 учеников, из них 6 живут со мной в отдельном доме на моем попечении. Мы вместе молимся, едим, спим и проводим время. Учимся 2 раза в день. Дети свободно читают по-якутски. Прочли св. Евангелие от Матфея... Закон Божий изучают уже по-русски... Дети русских, вращаясь среди чукчей, которые круглый год крутятся возле Пантелеихи (здесь бывают ярмарки) говорят немного по-чукотски и по-ламутски, **в будущем могут быть очень полезны для миссии.**

Священник Синявин.

1912 г.

Редактор: Н.Н. Габышев, краевед.
г. Санкт-Петербург